

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 2. С. 154—171.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0213

«Не имея веры в свое будущее, она вдохнула в меня веру в моё»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову

В. В. Митрофанов

*Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества,
Санкт-Петербург, Россия*

С привлечением нового архивного источника — дневника С. Ф. Платонова — раскрываются детали путешествия С. Ф. Платонова в село Харино, подробности его судьбоносного знакомства с Евгенией Николаевной Калайдович. Долгие часы откровенных бесед способствовали возникновению между ними близких дружеских отношений.

Публикуемые письма продолжают две предыдущие публикации недавно выявленного огромного эпистолярного пласта Е. Н. Калайдович. Этот замечательный источник позволяет понять искания не только адресата, но и автора писем — личности неординарной и малоизвестной. Она является определенным образцом молодой, образованной, общественно активной женщины второй половины XIX в.

Впервые упоминается В. Н. Беркут, ставший близким другом и основным информатором С. Ф. Платонова о Московском университете, что имело большое значение для будущего студента.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Е. Н. Калайдович, эпистолярный источник, дневник, переписка, мировоззренческие интересы.*

Последние месяцы учебы в гимназии будущего академика С. Ф. Платонова нашли отражение в его дневнике и ответных письмах московской знакомой, о которой он тепло отзывался в своих воспоминаниях. Речь идёт о Евгении Николаевне Калайдович (далее — Е. Н.), её объёмные письма за период с 20 июля по 20 октября 1877 г. (составляют целое архивное дело) опубликованы [Митрофанов, 2019, с. 119—139; Митрофанов, 2020, с. 116—132]. Они, безусловно, представляют собой ценный источник не только о взаимоотношениях друзей, но и показывают интересы и запросы передовой российской молодёжи 70—80-х гг. XIX в. Они же являются интересным и не менее ценным источником о самой посестрине или маркизе, как она именовала себя в переписке с юным другом: философско-общественные искания, литературные увлечения, непростые (на этом этапе) взаимоотношения в семье, в частности с младшей сестрой и матерью, быт в с. Харине и на даче в Симонове, развлечения являются основными темами писем.

Публикуемый эпистолярный пласт существенно дополняется дневником С. Ф. Платонова, который он вел на протяжении 10 лет и остается мало известным, так как не востребован исследователями, о чём свидетельствует и тот факт, что отдельные его тетради не выдавались ни разу. Вести его С. Ф. Платонов начал, как свидетельствует первая запись, 29 октября 1876 г. а последняя сделана уже после окончания университета 8 июня 1885 г., буквально накануне женитьбы (3 июля 1885 г.).

Из текста дневника становится известно, что несколько тетрадей с записями были брошены в печь. Именно дневниковые записи позволяют раскрыть обстоятельства появления семнадцатилетнего Платонова в Харине — где был дом у Евгении Антоновны Селивановской, которая жила с двумя дочерьми и двумя внучками. Здесь и произошло судьбоносное его знакомство с Е. Н., а письма она в основном писала уже на даче в Симонове [Чусова, 2000, с. 41—51], где также бывал маркиз.

Как свидетельствует дневниковая запись за 20 мая 1877 г., в этот день в Москве произошла встреча С. Ф. Платонова с Соней — младшей сестрой Е. Н., дочерью от второго брака Е. Н. Митковой (по первому браку Калайдович), которая и пригласила его в деревню. Старшая дочь Е. Н. была полной тёзкой матери. Это приглашение не вызвало большого энтузиазма, о чём читаем в дневнике: «Ох, что-то будет в деревне, почему-то и не хочется туда ехать; боюсь я слишком большого веселья и скуки. А может быть и то, и другое»¹. Но, как показало время, эта поездка сыграла большую роль и определила замечательное активное общение С. Ф. Платонова почти на целое десятилетие.

А 27 мая запись сделана уже в Харине: «Я в гостях у Митковых. Мне очень весело: я свободен, к[а]к ветер. Удовольствия всякие. Хозяйки приветливы и любезны... и хороши. Чего же больше

¹ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 29.

хотеть? Как мне хорошо, право, живешь, ничего не думая, день за днём. Прелесть! Какие я разговоры веду с С[офьей] Ю[рьевной] (с нею никогда не скучно)»¹.

Это был первый приезд в дом Селивановской, он был короткий, и в этот раз встречи с Евгений Николаевной — будущей посестримой — не было.

Безусловный интерес представляет дневниковая запись, сделанная 1 июня уже после возвращения из гостей в Москву. Это описание состоявшегося путешествия, которое и приводим полностью: «Воротился из Харино. Ещё, может, туда поеду. Что же писать? Описывать дорогу, Тулу, вид Серпухова? Подробно не стоит, а мало записать — всё выйдет мало. Тула пыльный город, дома наполовину каменные. Город более или менее, но цивилизованный. Есть разносчики газет (московских), есть газетное бюро даже. Видел три каланчи с серыми шарами. Кремль просто смешон. Низкие стены с башнями по углам. Въезжаешь — направо и налево пустые отгороженные места, поросшие бурьяном, крапивою и репейником; посреди видишь площадь с двумя соборами: новым и старым, и только. Выезжаешь в другие ворота. Рыночная площадь, да и сам город напоминают Москву. То же мужичьё в высоких грешневиках², та же серая пыль повсюду, от которой всё серо и выглядит грязно. Река Упа довольно широка, я её такую не воображал и не верил своим глазам, глядя на неё. На ней много барок, насколько я заметил. На улицах, особенно у лавок, далеко не малоллюдно. Митковы говорят, что в Туле ничего порядочного достать нельзя: всё жители покупают в Москве и получают оттуда. До Москвы 6 часов пути, 181 верста по железной дороге. На Тулу я взглянул, приехал в неё в шарабане. Заезжал по поручению Евгении Ник[олаевны] (старшей — В. М.) в лавки за холстом, на почту, в телеграф, аптеку и книжный магазин. Из вагона видел Серпухов, как бы *a' vol d'oiseau*³, стоит он на дне леса, у реки Оки, которая, однако, в полуверсте от него. Как бы отдельно от Серпухова у леса стоит монастырь, окружённый стеною. Виден хороший собор в городе с коричневыми стенами и со золатыми главами. Мама говорит, что Серпухов больше Чернигова. Не верится. Над Серпуховым нет того серого пыльного тумана, который виден над Тулою с окрестных холмов. На солнце ярко блестят все серпуховские строения и каменные,

¹ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 29 об.

² Грешневик — валяная войлочная крестьянская шляпа, похожая по виду усеченный конус.

³ Как летит ворона — с фр.

и деревянные. Хорош двухэтажный мост через реку Оку у Серпухова. Вверху ходят поезда, внизу ездят в экипажах. Серпухов лежит в равнине у подошвы холмов, Тула на скате высокого холма и у него подошвы в долине. Из выгона виден недостроенный и заброшенный замок в Царицыне. Он мрачной, готической архитектуры, серый с угрюмыми башнями по углам. Он заброшен, потому что не понравился какой-то из наших императриц, которая назвала его «гробом». Мне же он очень нравится. Мы, кажется, будем в Царицыне.

Сельцо Харино расположено на двух холмах, в середине между которыми пруды. Местоположение красивое. Я проводил в нём время очень весело и долго буду помнить и Харино, и самих его хозяев»⁴.

Важны впечатления юного путешественника от облика городов: расположение их на местности, окружающая природа, удаленность от Москвы, достопримечательности, на которые он обратил внимание по дороге. Гостеприимные хозяева произвели неизгладимое впечатление. А вскоре он вторично посетил понравившееся село, где провел интересно время и встретился уже со своей будущей поклонницей поэтического творчества, сыгравшей важную роль в становлении его характера и мировоззрения. Это, прежде всего, про неё читаем в автобиографии: «у меня образовались новые знакомства, появились новые влияния» [Платонов, 2017, с. 187].

Сразу же после своего дня рождения (16 июля) он снова спешит в Харино. 18 июня в дневнике С. Ф. Платонов сделал такую запись: «Я опять в Харине. Теперь здесь и сестра С. Ю., старшая»⁵. Обе они замечательно безыскусственны, не натянуты, что после наших милых барышень удивляет и поражает приятно»⁶. Этот приезд также был непродолжительный, так как в своём дневнике С. Ф. Платонов называет всего за два приезда «две недели»⁷.

Юному гостю отвели другое помещение, которым он был вполне доволен: «Моя теперешняя комната выходит на балкон, — читаем в дневнике за 19 июня. С балкона вид на парк, пруды и луга. В этой комнате хорошо вести дневник: удобнее, никто не мешает»⁸.

⁴ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 30—31 об.

⁵ Евг. Ник. Колайдович — прим. С.Ф. Платонова.

⁶ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л.35.

⁷ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л.36.

⁸ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л.37 об.

А вот и первые впечатления о Е. Н. (младшей): «В этот приезд С. Ю. мне показалась другою. Мне кажется, она меня предоставила своей сестре Е. Н., несколько раз мне казалось, что она сердита на меня или хочет мною играть. Играть мною можно, я люблю быть игрушкой, но у этой игрушки есть своего рода воля, которая не заметна, кто игрушку удовлетворяет»¹.

Недолгое пребывание в селе было насыщено разными событиями, развлечениями, серьёзными разговорами, многое прояснилось и о взаимоотношениях между женщинами трех поколений (бабушкой, матерью, сестрой и Е. Н.). Например, 22 июня обе сестры, повязавшись платочками и называя себя «Аксютками», совместно с «не петербуржцем», как они называли своего юного друга, собирали клубнику. 25 числа варили варенье. В другие дни веселились, слушали музыку, постоянно смеялись. Свое состояние С. Ф. Платонов охарактеризовал словами из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «Солнце ярко, небо синее, воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка... К чему тут страсти и желания»². Обстановка располагала к стихотворному процессу, а юного поэта стали называть «стихоплёт, стихоманом»³.

22 июня гость катался с Е. Н. в шарабане, а 23 нашёл у себя в комнате две розы, которые лежали на столе, как потом выяснилось из разговора Е. Н. и Сережи, принесла их она. Беседы были долгими и содержательными, и серьёзными. Во время одной беседы гостем была произнесена фраза: «Е. Н., ведь наш разговор похож на разговор маркизов XVIII столетия»⁴. Именно она и явилась началом обращения друг к другу — маркиза и маркиз. Ежедневное многочасовое общение сближало, позволяло узнавать друг друга, их ищущие натуры всё более и более понимали друг друга. Об этом свидетельствует и факт посвящения Е. Н. юного собеседника в свою трагическую любовь, которая закончилась смертью любимого человека. Это произошло 1 июля во время прогулки по саду, когда они сидели одни на скамейке, им никто не мешал. Откровенность, открытость

23-летней девушки несколько смущала 17-летнего юношу. На другой день Е. Н. сказала своему другу еще более откровенную фразу: «Знайте⁵, тяжело быть нелюбимой дочерью»⁶. Эта тема — отношения между матерью и дочерью — найдёт подробное развитие в последующих письмах. Результатом этих интимных бесед, откровений С. Ф. Платонов приобрел «друга-женщину!». Его «мечта исполнилась»⁷.

Дневнику С. Платонов доверял многие тайны, так 6 июля в нем сделала важная запись. В ней даётся первая оценка новому знакомству: «Не имея веры в свое будущее, она вдохнула в меня веру в моё, и я верю теперь в себя, и я человек и меня могут любить... Да, наступает новый период жизни, я изменился, стал идеалистом, не сентиментальным, конечно. Я и прежде был им, впрочем. Теперь в этом убедился. Прибавилось во мне любви к друзьям к окружающему, гуманнее я стал»⁸. Вот те «новые влияния», о которых С. Ф. Платонов напишет десятки лет спустя. И эта тема будет постоянно присутствовать в письмах.

Перечисленные обстоятельства и определили те тёплые, доверительные, правдивые отношения, которые нарисованы в уже опубликованных и публикуемых письмах между посестримой и побратимом.

Вторая папка с письмами Е. Н. Калайдович объемом 67 л., исписанных с обеих сторон, датируется 2 ноября — 18 июня 1878 г. К публикации предлагается первая половина писем из этого архивного дела. На одном листе имеется карандашная пометка, сделанная С. Ф. Платоновым в более позднее время: «1877—8 гг.» Есть все основания утверждать, что при написании своих широко известных автобиографических работ, он просматривал эти письма, делая на них иногда пометы для памяти.

Письма позволяют реконструировать физическое и психологическое состояние гимназиста С. Ф. Платонова, его переживания, огорчения и радости. В это время он близко общался, можно сказать дружил, с В. Латкиным, появлялись знакомства с девушками — возрастная деталь. Большое место в корреспонденциях — откровения отведено поэтическим опытам С. Ф. Платонова. Названы стихотворения «Портрет», «Когда тебя воспоминанья расстроят», «На свете черной клеветы», «Памяти Некрасова».

⁵ Далее текст заклеен и написан заново.

⁶ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 50 об.

⁷ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 51 об.

⁸ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 52.

¹ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 38 об.

² «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синее — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления?» (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. URL: libking.ru/books/prose-/prose-...).

³ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 41 об.

⁴ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 47 об.

Процесс влияния на сознания своего друга идет постепенно, настойчиво, но ненавязчиво: определение его места среди сверстников, выделение и подчеркивание его лучших качеств, постоянное указание на одарённость, поощрения в стихотворном творчестве через указания на положительные и отрицательные качества у молодых людей, круг общения Е. Н. Искусство, литература, театр, образование занимают в этом процессе важное место.

Многие детали жизни семьи Селивановских (по старшей в семье — бабушки) становятся известными впервые, что позволяет существенно дополнить скудные сведения о её повседневности. Упомянут известный дядя Е. Н. А. Гизетти.

В письмах дана характеристика круга общения двух сестёр: Поповы, Танеевы, Масловы, Мосоловы, Тихомировы, Тесс.

Узнаём об увлечениях Е. Н., например, её любимой оперой была «Гугеноты», любимые певцы Мазини и Нильсон. О понимании музыки свидетельствует и отзыв об игре Н. Г. Рубинштейна, она посещает театр, наслаждается игрой Ленского в «Фаусте».

Умственная работа у Е. Н. активно реализуется через чтение, ей нравится И. С. Тургенев, произведения которого она перечитывает, её привлекает главный герой знаменитого романа «Отцов и детей» — Базаров. Среди русских поэтов её привлекает А. К. Толстой, стихи которого в полной мере могут раскрыть и передать её «внутреннюю жизнь», которая металась и часто не могла найти успокоения. Один из её любимых иностранных писателей В. Гумбольдт. Её интересует рисование, живопись, занятие гипсом, рукоделием. Кроме всего, она ведет занятия в школе, открытой её тётёй.

Из общественно значимых событий, конечно, на первом месте русско-турецкая война, штурм Плевны, капитуляция Андрианополя и Филпполя, вопрос взятия Константинополя. Следует заметить, что Е. Н. участвует в лотерее в пользу Саганлугского отряда.

Е. Н. волнует «будущность России», судьба народа, упомянута конституция, Платоновская республика. Однако боязнь цензуры сдерживает размышления «либеральной» девушки, знакомой с сочинениями Фурье. А в письме от 17 января 1878 г. Е. Н. формулирует свои общественно-политические взгляды как умеренные славянофильские. Здесь надо вспомнить её деда — известного литературного и театрального критика — Николая Семеновича Селивановского, игравшего заметную роль в общественной жизни старой столицы, устраивавший субботние вечера, где собирался цвет московской интеллигенции, на них бывали

В. П. Боткин, Ф. А. Кони, М. С. Щепкин, М. П. Погодин, В. Г. Белинский и др. За публикацию писем в «Телескопе», который печатался в типографии Н.С. Селивановского, он попал под следствие.

Уточняются несколько важных деталей биографии Е. Н. — день её рождения 8 января, добавляется важная деталь её родословной — прадед имел сербское происхождение (речь идёт о Фёдоре Дмитриевиче Калайдович (1742—1819) — русский врач, далматинского происхождения).

Среди своих близких в семье она одинока, ей необходим близкий человек, с которым она может откровенно беседовать, излить свои переживания, находить поддержку. Лето 1877 г. в лице С. Ф. Платонова принесло ей «друга», «верного и неизменного».

Особый разговор в письмах занимает намёки на чувства маркиза, например, в одном из писем он называет себя «любящий Вас мальчик». Для Е. Н., которой было 23 г., дружба с 17-летним юношей кажется «странной», но желанной и важной. Знакомство же его с Соней — сестрой Е. Н. не переросло в такие тесные отношения. Были даже и письма, хотя редкие.

В письме от 9 января 1878 г. впервые упомянуто имя В. Н. Беркута, ставшего близким другом С.Ф. Платонова, о котором он тепло отзывается в своих воспоминаниях. Знакомство было сначала заочным, а летом они встретились. Именно оно сыграет большую роль, о чём свидетельствует их переписка. С. Ф. Платонов получал достоверную, огромной для него важности, информацию о Московском университете, профессорах, курсах, манере их чтения [Митрофанов, 2019, с. 17—43; Митрофанов, 2019, с. 151—218]. Для Е. Н. это будет тоже судьбоносная встреча, вскоре они станут мужем и женой (подробнее в последующих публикациях). Выясняется, что детьми они были знакомы, но общения не было и только осенью 1876 г. молодой человек, студент-филолог, «умница» первый раз побывал в доме Селивановских в Симонове. Более тесное знакомство произошло на дне рождения, когда он и покорила Е. Н. чертами своего характера («искренностью, честностью», «мягкостью сердца»), близкий по убеждениям («либеральных») и др.

Таким образом, выяснены обстоятельства знакомства С. Ф. Платонова с Е. Н. Калайдович, начавшаяся переписка между ними была активной, масштабной. Она была важна не только для самой посестримы, но и её побратима, который активно впитывал многие идеи, менялся в характере, в поведении со своими сверстниками. Примечательно, что пребывание в Харине, новое знакомство

нашло отражение на страницах дневника С.Ф. Платонова.

Письма публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей документа. Нумерация писем продолжается. Примечания о лицах, упоминавшихся в первых публикациях не приводятся.

**Письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову
(Отдел рукописей Российской
национальной библиотеки.
Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2274. Л. 1—35 об.)**

№ 15

// л. 1. Симонов, 2 ноября 1877 г.

Вы мне не пишете, что с вами? Здоровы ли вы? Опять пришло ко мне нерадостное известие, что вы себя нехорошо чувствуете, что вас утомляют ваши занятия и что вы даже перестали давать уроки. Что это; побратим!...¹ Вы верно себя не бережете и мне опять приходится приняться за мое старушечье занятие — воркотню, а очень не хочется, не хочется потому, что мне все старушечье неприятно, и я бы очень желала придержать молодость, летящую быстро; быстро прочь. Будьте умником, Сергей Федорович, берегите себя! Не писала я вам ранее вот почему, во-первых, я хандрела, во-вторых, я перестала хандрить, мне стало весело и времени было мало.

Первым движением моим, когда я захандрела, было писать вам, но к счастью, я не последовала ему, к чему? Вас бы мое письмо // л. 1 об. огорчило, меня мало утешило; надо было пережить, передумать и перечувствовать все в глубине души, дать успокоиться тревожным голосам, которые вдруг разом заговорили во мне, теперь они замолчали, не знаю, надолго ли. Я крепилась несколько дней, наконец, пошла к тете и поговорила с ней по душам, это, конечно, успокоило меня, а потом исполнилось несколько моих желаний, устроилась поездка, которую я желала, и я опять молодцом. Вы удивляетесь неровности моего характера?

Маркиза, вот и ответ. В воскресенье с Соней мы были у Поповых; я уже, кажется, говорила вам, что их воспитательница Надежда Константиновна, которую мы прозвали Мосинькой, очень хорошая особа, я отношусь к ней с большим доверием и откровенна с нею; даже Соня с ней откровенна. Ее видеть всегда приятно, к тому ж у Поповых мне было с трах². Те кавалеры //л. 2, с которыми мы так весело провели время на вечере за ужином, снова были там, и были довольно

¹ Многоточия — здесь и далее, так в письме.

² Это новое правописание, превосходная степень, как весело — примечание автора письма.

любезны. Сережа очень глуп, так глуп, что мне даже его жалко, и если б он был способен хоть влюбиться в меня, я бы, конечно, постаралась его переделать, но он и влюбиться-то не сумеет. Соня была мила и вполне заслуживала название чарующей. Вчера же было мне хорошо, так хорошо, как только я желала: я слушала своих любимцев Мазини³ и Нильсон⁴ в своей любимой опере Гугеноты⁵. Отл[ично] пели и играли дивно. Эта опера такая умная и серьезная, что производит глубокое впечатление на меня, по крайней мере, Мейербер⁶ так ясно, живо передал и борьбу политических страстей, фанатизм, религиозную нетерпимость. Становится жутко, когда после благословения оружия, удалявшиеся заговорщики снова возвращаются на avant-сцену и громким фортиссимо⁷ заключают хор.

//л. 2 об. Сцена между Валентиной и Раулем прошла идеально (я предполагаю, что вы сюжет знаете?) Мазини увлекся и увлек театр до безумия, но и Нильсон вызывали 18 раз. Когда, чтоб остановить его и спасти, Валентина решается сказать, что его любит, нужно было слышать какая страсть, какое блаженство звучало в его голосе при словах: Di lo encore!⁸ Я вся похолодела и у меня и сейчас в ушах низкие и страстные энергичные и нежные звуки её голоса. Нильсон была

³ Мазини Анджело (итал. Angelo Masini; 1844 — 1926) — итальянский оперный певец (тенор).

⁴ Кристина Нильсон, графиня де Каса Миранда (Kristina Nilsson; 1843—1921) — шведская оперная певица (сопрано). В 1872—1885 гг. гастролировала в Петербурге и Москве. Об общественном резонансе этих гастролей свидетельствуют неоднократные упоминания Нильсон в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В 1869 г. Нильсон стала членом Шведской королевской академии музыки.

⁵ Гугеноты — большая опера в пяти актах. Композитор — Джакомо Мейербер. Либретто Эжена Скриба и Жермена Делавиня по мотивам романа Проспера Мериэ «Хроника царствования Карла IX».

⁶ Джакомо Мейербер (1791—1864) — немецкий и французский композитор еврейского происхождения. В 1831 г., с рождением его оперы «Роберт-дьявол» и опер его преемников, возник жанр «Большой французской оперы». Стиль мейерберовской Большой оперы был достигнут путём слияния немецкой оркестровой традиции, искусства bel canto и французской декламации, которые были использованы в контексте нашумевшего мелодраматического либретто Эжена Скриба и дополнены существующими на тот момент театральными традициями Парижской оперы. Таким образом установился стандарт, благодаря которому Париж сумел сохранить свой статус оперной столицы XIX века.

⁷ Фортиссимо — (ит. fortissimo) музыка очень громко, громче, сильнее, чем форте

⁸ Скажи еще — смесь итальянского и французского.

№ 16

неподражаема, пение, игра, всякое ее движение, наружность, одежда — все было художественно. Вам покажется странным мои восторженные отзывы, но я ведь пишу вам как пишется и так как в действительности увлекаюсь, то и в письме это видно. Соня была с нами, она чуть не хуже меня сумасшестввовала. Великое дело талант!..

Мама и Соня, кажется, останутся у нас всю зиму, мама по-прежнему ездит в больницу, на дежурства; Соня все такая же.

//л. 3. Вчера видела Танеева у Масловых, он оброс бородой, возмужал и похорошел, смотрит менее медвежонком и даже, о удивление! Вчера поднял мне веер. Направление его не во всем мне симпатично, я признаю в нем большой талант, своеобразный ум и образование, но многое в нем, как и в друзьях моих Масловых, мне не совсем по душе.

Ваши стихи мне нравятся: Портрет — очень мило задуманная вещь, но, по моему мнению, действительность не такова, мне кажется, что, когда я смеюсь, теперь никто и не поверит, что я уже пережила, да я сама иногда себе не верю, что все это было, что все это перестрадала, так забьет иногда у меня в сердце живая струя беззаботной удали и беззаветного веселья. Второе стихотворение, как вы верно заметили, лучше по содержанию, чем по форме, но все-таки гораздо // л. 3 об. выше и серьезнее ваших прежних стихов. А скажите, пожалуйста, сколько лет Евген[ии] Львовне и не блондинка ли она? Дались вам право эти Евгении, посмотрим, что дальше будет, теперь я вас еще не поздравляю, но кто поручится за будущее? Ваши планы не буду осуждать, я не нахожу их далеко не преступными и не гадкими; раззнакомиться с Латкиным было бы, извините, глупо, разве мы не имеем знакомых, о которых невысокого мнения, и разве все наши знакомые друзья? Если вы даже из расчета, из каких-либо соображений (знакомыми¹) любезны с человеком, то дурно это лишь тогда, если вы имеете подлую цель или обманываете этого человека, заставляя его думать, что вы питаете к нему нежное расположение; этого ничего нет, чего же вы смущаетесь. Я много хуже вас, такие вещи меня более не смущают. Но надо кончать, Христос с вами, берегите себя. Посестрима.

*От чего не пишете про то, как вы чуть не сгорели от керосина, ах вы не осторожный, не шутите с огнем!*²

*Мой привет вашей мамаше*³.

¹ Здесь и далее зачёркивания в письме.

² Текст, выделенный курсивом, написан на полях страницы л. 1.

³ Текст, выделенный курсивом написан на полях страницы л. 3 об.

// л. 4.

5 ноября.

Слава Богу! Наконец-то вы мне пишете: ваше письмо меня обрадовало, от начала до конца в нем слышно спокойное, светлое настроение, вы здоровы, вам было весело, пять пятюрок у вас, чего мне больше надо — я довольна. Извиняться не стану, у нас и без того половина писем проходят в объяснениях, ведь я уверена, что, если б мы даже и рассердились друг на друга, наши отношения не порвутся: «на них крепка печать и сердца и рассудка». Если мы иногда и заденем друг друга за живое, что ж, ведь примирение есть тоже одна из величайших радостей, и свет хорош только в сравнении с тенью. Вчера была я в концерте Муз[ыкального] Общ[ества] и Соня тоже, я с Масловыми, она с Мосоловыми, обеим было приятно, обе вынесли хорошее впечатление из того концерта. Рубинштейн⁴ играл дивно, знакомых было много и была свобода действий: а это важно!

//л. 4 об. Но вас все-таки больше интересует моя личная, духовная и внутренняя жизнь, нежели все концерты и театры, в которые я могу ездить, да и я не прочь потолковать о себе, это эгоизм, я знаю: как быть? Стихи Толстого⁵: «О не пытайся дух унять тревожный»⁶, вернее всего передадут то, что я переживаю теперь; вы верно заметили, что слова любимого поэта, часто вернее, выпуклее передают нашу мысль, нежели мы сами; впрочем, вы сами поэт, вам форма легче дается, нежели нам, грешным. Итак, не огорчайтесь только тем, что я пишу вам, некоторые мои желания исполнились, все идет обычным порядком, новых неожиданных горестей нет, я не могу прийти в мирное состояние, я не могу успокоиться. Сомнения, заботы, желания, воспоминания — все вдруг поднимается у меня в душе, всякий голос говорит за себя и не знаешь, как их заглушить. Является // л. 5. желание развлечься, забыться, а потом, ... когда вернешься домой, когда все это внешнее чуждое, надеваемое как воздушное платье, вместе с платьем с тебя снимется,

⁴ Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881) — русский пианист-виртуоз и дирижёр. Основатель Московской консерватории (соучредитель князь Николай Петрович Трубецкой) и первый её директор.

⁵ Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — граф, русский писатель, поэт и драматург, переводчик, сатирик. Член-корреспондент Петербургской АН.

⁶ Стихотворение А. Толстого «О, не пытайся дух унять тревожный...», написано в 1856 г. и посвящено знакомству Алексея Толстого с С. А. Миллер, с которой он познакомился на маскараде в Петербурге в Большом театре зимой.

останешься сама с собой или со своим другом, тогда, о тогда... Громче всего говорит один голос, укоряет и грозит, и с огорчением сознаешься, что прав, прав этот жестокий голос совести. Вы пишете: «не утомляйте себя работой», ах, если б вы знали, что бывают времена, дни, когда я ничего не хочу делать, ни читать, ни работать, когда я учу в школе лишь по обязанности, когда чтение наводит на меня скуку, учиться противно, думать лень; ни война, ни интересы и страдания общества и народа не привлекают, не интересуют меня и чувствуешь такую пустоту и в голове, и в сердце, что невольно с горечью ставишь себе вопрос: Полно, уж человек ли я?... А и хуже еще; говорят я добрая, а порой в душе не найдешь ничего кроме раздражения и ожесточения //л. 5 об, и какого глупого, жалкого раздражения. Вот успокоить, примирить себя с собой, вот чего мне необходимо надо теперь и, мне сдается, что это письмо много поможет мне. Я еще раздумываю писать ли его, но в половине быть другом я не хочу, а вам знать меня получше не мешает.

Ваши стихи: «когда тебя воспоминанья расстроят», сейчас не подходят ко мне, прошедшее прошло, я покорилась, помирилась со своей судьбой, буду хранить не горькое, а радостное воспоминание о прожитом счастье, но, отвечайте мне правду, есть ли это эгоизм, есть ли это измена, поверхностность чувства, если чувствую в себе юношеское чувство, я; ну с Богом, решаюсь, желаю иногда в будущем нового счастья? Написала и жутко, и страшно, вы не можете меня видеть, а я краснею и готова разорвать это письмо. Боже мой! Зачем ты создал меня такой откровенной и не положил хранителя устам моим и моему перу!

№ 17

// л. 6. 7 ноября 1877

// л. 6 об. Белая роза — символ дружбы, пусть же этот цветок напоминает вам друга. Наша дружба долговечнее розы¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2273. Л. 6 об.

№ 18

// л. 7 Симонов, 27 ноября 1877 г.

Вот что значит иметь дело с поэтами! Их мощное воображение украшает, облакает в форму, все идеи, факты, чувства и вместо отвлеченной причины у них уже является олицетворение и поэтизированное: кто-то! Ах, милейший побратим, безвинно вы меня заподозрили! Нет, ни кто

¹ Текст написан на маленькой открытке с изображением розы.

причину того, что придавленные силы, наконец, освободились от гнетущего их горя, нет, а просто нельзя пригнуть к земле деревце, которому суждено расти прямо, рано или поздно оно порвет свои оковы и выпрямится «как тополь молодая, вершиною шумя в эфире голубом»². Умирать еще рано, а уж если жить, так жить, извлекая, почерпая из жизни все, что можно взять и взамен отдавая ей все свои молодые силы.

//л. 7 об. Пожалуй, я расскажу вам сначала: еще в прошлом году, пожив у Масловых в деревне, я изменилась; на меня живой водой брызнули, и я вернулась от них здоровой, доброй и снова готовой взяться с энергией и за труд, и всей душой

² О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая,
Пригнутая к земле, как тополь молодая;
Поблекла свежая ветвей твоих краса,
И листья кроет пыль и дольная роса.
О, долго ль быть тебе печальной и согнутой?
Смотри, пришла весна, твои не крепки путы,
Воспрянь и подымись трепещущим столбом,
Вершиною шумя в эфире голубом!
(Толстой А. К. Полное собрание стихотворений : в 2 т. Т. 1. Л., 1984. С. 88).

отдаться веселью. А было время, когда мне все было все равно! Слава Богу, оно прошло, не дай Бог ему вернуться и не дай Бог кому-либо испытать это. Мне жить хотелось и прошлой зимой, но любить — я думала для меня невозможно, да и не хотелось. Это лето, это счастливое лето много мне принесло, оно мне принесло друга, хотя юного и неопытного, но верного и неизменного. И вот раз, помните вы вечер, когда мама была в Москве и мы втроем долго сидели на лестнице, смотрели на звезды, говорили о поэзии?

//л. 8. Соня была не в духе, вы тоже; говорили мы с вами, но вы оба и не гуляли, и не видали, что творилось в моей душе; мне было очень тяжело; я думала о прошлом счастье, чувствовала, что рано еще мне покончить с жизнью и с горечью спрашивала себя, неужели же для меня все кончено, неужели навсегда угасла в моем сердце способность любить?... Теперь я этого не думаю, но, это не значит, чтоб я кого-нибудь любила, не'кого, но я знаю, я чувствую, что это возможно; будет это или нет, на то воля Божья, но мы еще проживем! А знаете ли вы, что ничего нет лучше, как еще надеяться и ожидать еще чего-нибудь от жизни! Надежды не сбываются, да, но уже в том, что они были — какое счастье.... Я помолодела — вот вам разгадка. // л. 8 об. Меня не мучает совесть, о нет! Не придавайте мне несвойственных моему характеру добродетелей; удивились еще раз, что прошедшее прошло, а будущее мое, я не мучаю себя ни укорами, ни угрызениями. Если б любить другого было изменой, то разве в ту минуту, как я подумала о возможности любить другого, я не изменила. Я искренна сама с собой, что правда, то правда, лицемерить я не хочу, да и не умею. Если б он был жив, сейчас, не задумавшись я бы согласилась быть его женой, воспоминание о нем мне дорого и мило, до сих пор я не встречала никого, кого бы с ним сравнила, но *chi lo sa?*¹ А вы милейший друг, вообразили себе уж и его, и целый роман; скажите, кто он? Г-н Тесс, или Тихомиров*² или мой кавалер на вечере у Попова? а? — его еще нет.

//л. 9. Ваше письмо преуморительное: вы верно писали его в возбужденном состоянии духа, иначе я не могу его объяснить, и что за странная подпись, «любящий Вас мальчик», что это за новости? Мое мнение о Вас вы знаете, и вдруг эта надпись; очень бы желала, что б вы ее мне объяснили. Поскольку вы довольно много стали заниматься собой, это не дурно, но нет и, ... вот, вы опять можете подумать: «Надоела она

¹ Кто знает — с ит.

² * Я его три месяца не видела — примеч. автора письма.

мне с наставлениями» — хорошо только в меру. Вы сознаете свои силы, свое превосходство над окружающим вас обществом, ничем более вы не упрочите его, как скрывая глубоко-глубоко это сознание. Вы умны, вы // л. 9 об, развиты и талантливы, этого нельзя не заметить, но не показывайте никому, даже другу, что вы сами это замечаете. Предоставьте другим ценить вас, они сделают это лучше, чем вы сами. Знаете ли за что более всего мы вас хвалили в Харине: за то, что вы всегда казались скромным, недоверчивым и строгим к себе, но мы должно быть вас избаловали, если вы могли написать такую фразу: «заметно, что я поумнел очень сильно», признаюсь, это мне не понравилось. Вспомните Фауста, он говорил: «Я не знаю ничего, что точно стоило бы знания», а только Вагнер решается сказать: «я знаю много, но хочу знать все» -вы очень умны и поумнели еще — только не говорите этого.

// л. 10. Извиняться не стану, вы сами этого не любите, если вы найдете мое замечание несправедливым, то я уверена, прямо напишите мне свое мнение и опровергните меня. Теперь же я желала бы еще знать, что с вами, что за странный перелом в вас, почему вы «так счастливы». Вы пишете мне следствие, а причину не объясняете, а уже не причиной ли здесь женщина? Е. Л.? Не прошу у вас признания, хотя вам, как мужчине, легче его сделать, тем более было бы, например, мне сказать правду, не сердитесь на меня, побратим, если б я и любила кого, то ни за что бы ни вам, никому в этом не призналась; мужчины поступают иначе, чем это легче. Итак, я вас поздравляю.

// л. 10 об. Не советую Вам совершенно удаляться от общества, без него жить нельзя, а вам необходимы развлечения, если вы много работаете. Политика занимает и меня, успехи наши радуют, геройство солдат восхищает, а наша нелепость — барство, недобросовестность — бесит невыносимо. Да что и говорить, мы умеем только себя ругать, а сделать, нет, это уж пусть другие. Чем больше я живу на свете, тем милее и дороже мне наш народ, да еще наше дворянство (не все, но некоторые, честно направленная его доля), а уж счастливыцы дня — какой от них прок! А *propos*³ не призирайте очень С. П.⁴ это не великодушно, вы богаты — он беден.

// л. 11 Очень бы я была счастлива, если б могла хоть немного повлиять на него, жаль мне его в память отца. Я не написала вам вчера, потому что ездила в Б. Театр смотреть Фауста и думала описать вам впечатления этого вечера и увы... я даже ничего не могу сказать. Мой любимец Ленский

³ Предложение — с англ.

⁴ Речь идёт о С. Попове.

даже не захотел, по-видимому, играть, так пошло, глупо все было обставлено. Мне было очень обидно и за Фауста, и за Ленского, и за себя!...

Нашу жизнь не описываю, все то же, я не очень много читала, учила в школе, уезжала, а потом у меня новая работа: я рисую на дереве и спешу отделать Варе Поповой веер к дню именин, будет, надеюсь, неплохо.

// л. 11 об. Соня вам очень кланяется, не пишет она потому, что ей некогда, уже поздно и она пошла спать. Она не одерживает победы, а я ее дразню, она меня тоже, и мы иногда с ней целый вечер хохочем как в Харине. Буду ждать вашего письма в первых числах декабря, не обещаю написать до тех пор, но может быть и утешу вас. Надейтесь, но не ропщите, если надежда вас обманет. Кланяйтесь мамаше, берегите свое здоровье и мои письма, милый побратим, Христос с вами, будьте умник, Маркиза.

P.S. А сколько лет Е. Л? Хороша она собой? Пожалуйста, припрячьте мои письма подальше. Ну, до свиданья, спать пора...

№ 19

//л. 12

5 декабря 1877 г.

Спасибо за поздравление и за письмо, я ему особенно обрадовалась сегодня и вот вам доказательство: уже отвечаю; особенно я обрадовалась потому, что я немного боялась, что обидела вас своей резкой правдой или даже неправдой, а своим мнением, и очень рада, что вы не сердитесь. Я пишу вам так скоро еще и по другой причине; сегодня мое настроение таково, что мне надо поговорить с вами, побратим, надо высказать вам хоть долю того, что наполняет мое душу и об чем я, даже иногда, и с сестрой не говорю. Странная это дружба 23-летней девушки и 17-летнего юноши, а между тем это несомненный факт, и что еще страннее, что я с вами очень, очень откровенна, чуть ли не столько же, сколько и вы со мной, потому что чувствую ваше умственное превосходство.

// л. 12 об. Сестры нет дома: она в Москве гостит у тетушки, не знаю, когда ее увижу и передам ей ваше письмо, но она верно вам ответит в следующем моем письме, а теперь довольствуйтесь мною одной.

Взятие Плевны меня порадовало, а еще более, как и вас незначительное, сравнительно, число жертв; вы правы, это главное. Что же касается вашего мнения об обществе, то я его разделяю отчасти, но положительно не согласна относительно правительства; вы говорите оно ведет народ вперед, а сам народ идти не хочет... Оставьте, много

ли думают высокопоставленные лица о народе; наши честные умные министры — как они хлопочут о наполнении своих карманов, о рентах, чинах, повышениях, кого из них вы мне назовете деятелем на пользу народа? Ну? ...

// л. 13 А еще выше; разве не крадут, обладая миллионами, разве не злоупотребляют своею властью, не жертвуют, Боже мой, чем? Дорогими человеческими жизнями для своей потехи? (далее строчка замазана чернилами вопрос остался) Народ груб и не развит, надо работать над его развитием, но поверьте, в нем будущность России и лет через десять, а может быть и меньше* (Поверьте она и через год не будет преждевременна) конституция у нас не будет преждевременна. Если человека всегда водить на помочах, то он сам никогда не выучится ходить, то же самое и народ; теперь, даже теперь у нас есть проявление народной воли, интересов политических, государственных. Что вы говорите про земство, про Думы? Выпустили из клетки, а на веревке держат и чуть посвободнее движение, веревочка дает себя чувствовать. Гадости, подлости всегда будут, с тех пор, как мир стоит, они еще не переводились; // л. 13 об, но при теперешнем положении дел нередко и лучшим, но людям руки связаны. Вы удивляетесь моему либерализму, но ведь вы должны были ждать от меня таких воззрений, и если вы так высоко цените меня, как говорите, то как же я могу думать иначе. Величайшее благо свобода, полная свобода — утопия, но между ею и Т. Нет, знаете, лучше перестать, а то мы с вами до Платоновской Республики договоримся, а я ужасно боюсь почтовой цензуры и поэтому запечатаю свое письмо покрепче, что за охота подвергать вас какой-нибудь глупой истории. Я ведь женщина, а, впрочем, у нас даже и 16-летних женщин ссылают, конечно, не за либеральные письма, но я и полицейскому присмотру подвергнуться не желаю. Авось, пройдет благополучно!...

// л. 14 Что делать? Я читала шестнадцати лет и до сих пор хорошо помню, есть кое-что и недурное, но много, много дикого в его теориях. Ведь это учение Фурье¹, а вам, конечно, известно до каких крайностей доходил Фурье, его взгляды на нравственность человека, по-моему, даже иногда безнравственные. Я мало читала это время, некогда было, я рисовала веер сестре Попова, моему юному другу Варе* (Веер вышел очень удачен), шила себе платье, поглупела и немножко захандрила. Но теперь, как бы вам сказать, «весело и

¹ Фурье Шарль (1772—1837) — великий французский социалист-утопист.

горестно, сердцу моему»¹, вот мое настроение, но до торжественного аккорда еще далеко, далеко. Вчера я была у Поповых, было весело, но могло бы быть еще веселее; по моему, пожалуй, легкомысленному характеру, я, как вы имели случай заметить, // л. 14 об. могу веселиться часто пустяками и эти маленькие вечеринки с *petits-jeux*² и двумя-тремя вальсами меня тешат; молодежь — все студенты или восьмиклассники — и несмотря на мои годы, я иногда, очень часто бываю, что я старше многих. Очень мне обидно, что я старюсь с годами, я чувствую в себе такое юное, пылкое и увлекающееся сердце, что у другой в 16 лет такого нет. А вы еще мне пишете, что вы мальчик передо мной, неужели я так старше своих лет? Отвечайте непременно на этот вопрос. Над вашим письмом я и не думала хохотать, я над ним задумалась; ваше восторженное состояние меня привело в тупик, а уверенность в том, что я кого-то люблю — заставила заглянуть поглубже в свою душу.

// л. 15. Не спрашивайте меня более об этом, может быть, я когда-нибудь сама скажу, а теперь я по правде и сама-то не знаю, что у меня в душе. Чему быть, того не миновать, но, если б вы знали, как я боюсь натворить глупостей. Знаете ли, что, если вы узнаете когда-либо, что я сделала непростительную глупость, не осуждайте меня; моя первая любовь так горестно кончилась, что если я для того, чтоб быть счастливой, натворю вздору — неужели это непростительно? А теперь не спрашивайте, я ничего не знаю, да и знать пока нечего. Я очень укоряю себя за многие мелкие житейские подлости, которые вы бы, как мужчина (вы все честнее нас? женщин), конечно, не сделали; наприм[ер], вполне сознавая ничтожество Попова, //л. 15 об. я очень с ним любезна, зову его к себе и для чего, чтобы самой иметь возможность бывать у них почаще, так как в их обществе мне весело, у них бывают люди мне симпатичные. Конечно, прервать отношения из-за Сережиной глупости было бы глупо, но я ведь хитрю, вот что гадко!

И что хуже, я и впредь буду это делать, благо Сережа отдается мне в руки как слепое орудие!

¹ Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе гляючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю. Алексей Толстой.

² Игры — с фр.

Ах, женская честность! В пятницу Танеев³ играл в концерте и играл божественно, а после концерта мы вместе ужинали у Масловых, это было превесело. Впрочем, отдавая полную справедливость, и Масловым, и Танееву я во многом так расхожусь с ними, что об некоторых предметах совсем и не говорю; а все-таки, они хорошие люди, // л. 16. хотя и немного дикие.

У нас с вами во всем симпатия, я недавно тоже отравилась краской, но, конечно, не сильно. Советую вам быть поосторожнее, а то с вами вечно происшествия. Будьте здоровы, не мучайте себя работой, кланяйтесь матери. Христос с вами, друг, пожелайте мне мира душевного и, пожалуй, успеха в моих делах, не светского успеха в обществе, им я, пожалуй, избалована, а в более серьезных делах. До свидания в следующем письме. Маркиза.

P.S. Моя белая кошка своенравна, капризна и кокетлива, как настоящая маркиза, т. е. ее хозяйка. Когда она рассердится, всех бьет по щекам, премило!

№ 20

// л. 17

28 декабря 1877 г.

Что за вздор! Не читайте между строк того, что там не написано, поэт! Пожалуйста, без романтизма! Хотите правду? Вот она: между моими знакомыми есть люди, которые мне очень нравятся, которые мне симпатичны, которые меня интересуют, но не более.

Занавес я подняла сама, вы знаете, я люблю действовать самостоятельно, а что я за ней увидела?... то же, что видится выздоравливающему, когда он весною, в ясный день выходит в сад слушать соловья и дышать ароматом цветов: я увидала, что все живет, что жизнь идет все вперед, все изменяя, сглаживая и несмотря на многие, многие тени все же бесконечно прекрасна она в своем разнообразии. Далее? Вот мой ответ на ваше предположение; что же касается гостя Попова, то вы более чем правы.

// 17 об. Не один, а целых трое из гостей Попова мне нравятся и меня интересуют, и я, пожалуй, вам опишу их: первый г. Щлезингер, еврейского происхождения немец, умный, ловкий, очень красивый и блестящий юноша; лентяй необычайный, он еще в гимназии, но читал много, хотя не вдумывался; остроумен и может ослепить своими софизмами, будущий Дон Жуан и увлечься им не

³ Танеев Сергей Иванович (1856—1915) — русский композитор, пианист, педагог, учёный, музыкально-общественный деятель. Младший брат адвоката В. И. Танеева.

мудрено. Второй г. Деконский, очень некрасивый, но умный и насмешливый студент-медик; занимается отлично, но и танцует хорошо; немного нигилист, довольно высокого о себе мнения, язвительно насмехается и проболтать с ним вечер, да и поговорить серьезно можно приятно. Относительно себя скрытен и сдержан, над Сережей и барышнями насмехается жестоко.

Третий г. Данкварт — юнкер, чрезвычайно умный, последовательный, серьезный юноша // л. 18, проговорив с ним вечер, вы убедитесь, что это человек (я не могу написать юноша, хотя он очень молод) с сильным характером, но впечатлительный и чуткий: рыцарская честность и доброе сердце, никогда не насмехается, но себе на уме. Некрасив, но лицо приятное, мал ростом; замечательно катается на коньках. Вот вам искренний отчет в моих впечатлениях; всего трое мне нравятся и все со мной любезны очень; впрочем, я к этому привыкла, без хвастовства, я в обществе не бываю забыта и несмотря на то, что дурнушка, пользуюсь вниманием, вполне незаслуженным, конечно. Судите теперь сами — могла ли бы я так писать об этих гг.¹, если бы мне кто-либо из них (очень) серьезно нравился? Они все премилые, но вы еще не знаете всех моих пороков, я очень горда. Ну, и довольно.

// л. 18 об. Мои именины провела я весело: получила много подарков, между прочим, всего Тургенева и портрет моего любимого актера Ленского; поздравления я получила ото всех, от кого желала получить, у нас были гости; между прочим, г. Тесс, я держала пари, что он не приедет и уже собиралась его разбранить, а он и явился.

В первый день у нас была ёлка для школы, все ученики приехали к нам, открывали рты, удивлялись и потом в один момент разобрали ёлку: кажется, это доставило им удовольствие. В понедельник я была у Мосоловых с Соней, я вам писала, что я уже возобновила с ними знакомство? И представляете, танцевала с прелестным маркизом; там были ряженные (вся молодежь у Мосоловых студенты) и, между прочим, и маркиз, некто Гвоздонович, но это имя // л. 19 вам, конечно, ничего не скажет, вы не можете знать. С ним превесело болтаться и он хорошо танцует*², в костюме был очень красив и Соня уже начинает меня им дразнить, без всякого основания. Вчера я была у Поповых, сидела с их воспитательницей целый вечер вдвоем, Сережа был на балу, Варя в гостях, и мне было очень приятно, Мосинька — хороший человек. Сегодня я дома, завтра у Поповых с Со-

¹ Господах.

²* Он умница и очень развит — примеч. автора письма.

ней, думаю, что будет скучно, но, наверное, не знаю. Вероятно, я поеду на праздниках в театр, я не прочь повеселиться, хотя все не совсем здорова, т. е. я просто похудела.

А вы опять дурно ведете себя, верно не береглись и схватили катар?

Смотрите, чтоб впредь этого не было, а то я рассержусь и писать вам более не буду. Теперь вы мо // л. 19 об. жете написать к 8-му, это мое рождение, и я собираюсь его праздновать, потом опишу вам.

Не могу сказать, чтобы особенно много занималась перед праздниками, в этом отношении я собой не довольна, но я была и не расположена заниматься, а в таком настроении ничему не выучиться.

Перед праздниками был у нас мой бывший друг и всегдашний дядя А. Гизетти, он приехал со своим больным другом Шаховым, который вскоре и умер; А. Гизетти очень был огорчен и расстроен, вскоре после его отъезда я написала ему письмо, по справедливости говоря, очень милое и получила ответ учтивый, любезный, но сдержанный. Не думаю, чтобы наша порванная дружба могла снова укрепиться, одну минуту я надеялась, но теперь не думаю.

// л. 20 Вскоре после этого я собралась писать вам, но мое письмо вышло такое натянутое и гадкое, что я его изорвала. После праздников снова поступлю в школу рисования, в отделение гипса, там можно заниматься основательнее и с большой пользой. Ваше намерение выработать себе к всем религиозные убеждения меня немного удивило, неужели вы думаете, что можно выработать религиозные или вообще какое-либо убеждение, как выучиться алгебре или греческому языку? Мне кажется, убеждения вырабатываются жизнью и никак не работой ума, разве самые искренние убеждения не меняются с жизнью и не встречаем ли мы людей в зрелых годах, которые совершенно меняли направление. Конечно, необходимо иметь твердую почву под ногами // л. 20 об., необходимо знать? куда идешь и кто же поручится, что не повернет в другую сторону? А в деле религии еще труднее додуматься до конца или в чем — либо другом. Человек постоянно развивается, вместе с ним развиваются и его убеждения, но религия; не может старик верить, как юноша, может быть его вера глубже, сильнее, но она другая. Но довольно болтать, я устала. Поздравляю вас со взятием Софии, желаю веселиться на праздниках, но писать все-таки нельзя до 8-го, почему, сами знаете, заговорят, пожалуй. Тетя благодарит вас за календари и вам кланяется, бабушка также. Мой привет мамаше. Желаю вам в новом году счастья. Берегите себя и помните Маркизу.

№ 21

// л. 21

9 января 1878.

Еще год! Лишний год прибавился, а много ли я жила? Не хочу жаловаться, прошлый год был для меня недурен, может быть я буду с сожалением думать о нем, когда последующий будет хуже. Благодарю за письмо: я получила его вчера днем и могла прочесть только в первом часу ночи, когда, наплясавшись вволю и проводив всех гостей, я отправилась спать. Я читала его вслух Соне и обе мы решили, что... но я кончу свою фразу, когда и вы договорите недописанное в последнем письме.

Опишу вам вчерашний день: у меня было несколько разочарований, меня многие обманули и не приехали, между прочим Деконский¹ и Мосоловы, да еще два кавалера, которых я не описывала, потому что они не интересны.

У нас был Гвоздонович, тот маркиз, про которого я вам писала и мне очень хочется описывать вам его, чтобы // л. 21 об. слышать ваше мнение о нем. Соня говорит, что он за мной ухаживает, но по правде сказать, это вздор: не мог же он не поговорить с хозяйкой? Меня он интересует, но не симпатичен, несмотря на свой чрезвычайно острый, ясный ум. Он очень начитан, говорит прекрасно по-французски, любезен, говорит даже комплементы, но чрезвычайно* (*Может быть я и ошибаюсь, но такое я вынесла впечатление от двух раз, что его видела) высокого о себе мнения и на всех смотрит со своего пьедестала; конечно, он так благовоспитан, что своей насмешливости, своего самомнения не показывает, но все-таки оно сквозит в его утонченно-учтивых фразах и снисходительно-любезном молчании. Он, вероятно, очень холоден, не думаю, чтобы он мог горячо любить, но увлечься им можно. Я, надеюсь, не увлекусь, потому, что слишком рассудительно его разбирать, а болтать с ним превесело, точно на коньках катаешься, живо, легко, грациозно идет разговор, а зазевалась — свернешься и тебя подымут // л. 22. на смех. Ну довольно об нем. Кстати, я ему сказала, что я маркиза, он меня спросил — за какие качества меня так назвали: за непостоянство ли, кокетливость ли, за разговоры, где все намёк и тайное?

Мы играли в разные игры, потом танцевали и я сделала, не останавливаясь, 15 туров. Хорошо? У нас были еще разные кавалеры, Сережа, г. Тесс, еще разные и один, о котором нужно поговорить побольше, так как я его очень люблю, и он немало на вас похож; не наружностью, он блондин, с бородой и задумчивыми глазами, это Владимир

¹ * Впрочем, его не было в Москве — примеч. в письме.

Николаевич Беркут, сын известного московского врача, студент-филолог, умница. В лицо я его знала давно, когда и он, и я были детьми, но он моложе меня. В прошлом году осенью его привезла к нам одна общая знакомая, женщина — добрый человек и он снова приехал к нам только через год, а вчера его я звала.

// л. 22 об. Если б вы знали какую искренностью, честностью веет от каждого его слова, от всех его разговоров! Он высказывается (скрытен) легко, но из нежелания навязываться, казаться строгим; образован и начитан очень, кажется гораздо старше своих лет, религиозен, но очень либеральных убеждений, пожалуй, и нигилизм в нем есть, т. е., конечно, существующий порядок вещей не может ему нравиться; несмотря на его далеко незаурядный ум, (в нем сердце) он стыдится своего мягкого сердца, не стыдится ни своих увлечений, ни своей впечатлительности. Он чуткий, как и вы, маркиз, и, конечно, оба вы на Гамлета сильно смахиваете. Беркут мне очень симпатичен, сам голос, манера говорить мне очень нравятся. Он страстный музыкант и, говорят, поет недурно, у него тенор и говорит он высоко, что я очень люблю в мужчинах. Говорите теперь нравится ли он вам, да уж и прибавьте, как он нравится мне?

№ 22

// л. 23

10 января [1878]

Не могла вчера кончить письма, потому что ужасно устала; в воскресенье мы с Соней еще с полночи проговорили, а вчера я встала рано и пошла в школу, так что вечером была совсем квелая. И не понимаю, чего вам так понравился Деконский? Я думала, что вы предпочтете Данкварта, хотя я сама разделяю ваш вкус, Деконский возбуждает мое любопытство; я, конечно, его мало знаю, но мне все-таки кажется, что Беркут имеет более нравственного балансу, более чист и строг нравственно, чем он. Нельзя себе вообразить, чтобы Вл[адимир] Ник[олаевич] нравился Буф, Деконский при мне защищал Petit Fausta. Впрочем, я еще мало к ним обоим присмотрелась, вероятно, в субботу увижу одного у Поповых, куда нас с Соней и Екат[ериной] Ив[ановной] звали; после этого напишу вам еще дополнение к характеристике, может быть. Жаль мне вас, но все-таки не пишите мне ранее самых // л. 23 об. последних чисел января (т. е. 30, 31), да вам и некогда будет теперь.

Я ужасно глупею, мало читаю, мало думаю, совсем не занимаюсь высокими предметами; говорю я Беркуту: «Приезжайте, потолкуем, от вас я чему-нибудь да научусь!» А он вроде вас

толкует, что девушки столько же, если не больше, знают и думают, чем мужчины. Ну это пустячки, у нас интересы мельче. Читала и перечитывала на праздниках Тургенева, мне его подарили всего, и наслаждалась; что за восторг его Отцы и дети! Читая их прежде, я вовсе и не понимала, что это за красота и Базаров мне очень не нравился, теперь я им увлекаюсь. Вот он герой, который вы думали занимает меня. Да, такого человека любить стоит и неужели дарить свое чувство посредственности? Если не ценить себя высоко, что за заслуга подарить себя?

// л. 24 Очень рада, что вы веселились, маркиз, жаль мне, что не видела вас в костюме маркиза и не могла 8-го повальсировать с вами; вы, верно, хорошо вальсируете? Я тоже, говорят, недурно. Ваши стихи — восторг; они и легки, и звучны, и прочувствованы. Спасибо, побратим! Не могу не советовать вам писать, предсказать же в будущем славу еще не могу; пишите, пока пишется. Соня и Екат[ерина] Ив[ановна] (я ей их прочла) очень хвалили ваши стихи, не думайте, что я пристрастна. Третий друг женщина? Это что-то через чур невероятное, маркиз? Что-то уж много друзей, а их редко бывает более двух. Не ошибитесь, я знаю вашу увлекающуюся натуру и не желаю вам ни разочарований, ни преждевременных страданий. Будьте осмотрительны.

Адрианопись, Филипппись сдались и, что лучше всего, без бою; слава Богу, меньше // л. 24 об. горя принесли эти победы. Ужасно боюсь я, что рано заключат мир, что вся дорогая русская кровь, пролитая за дело свободы, окажется пролитой напрасно. А кто разберет дипломатов? Сколько гадостей уже наделали они, поневоле страшишься будущего, когда знаешь прошедшее. Мир в Константинополь!

Гвоздонович вздумал говорить против войны у нас за обедом, и поднял бокал за здоровье турок. «Так за нашу смерть?» сказали ему, а я поставила свой бокал, скрестила руки и серьезно на него посмотрела. Он замолк. Если я его увижу опять, постараюсь поднять на смех, это ему не повредит. Собираюсь я снова приняться за рисование и хочу на днях поехать в Строгановское училище, примусь за гипсы. У нас все здоровы, настроение духа переменное, особенно у мамы, тетя хлопчет, бабушка только и думает, как потешить внушек.

// л. 25. Отчего вы мне не пишете про прекрасную lides? Разве с Латкиным все покончено? Здесь, куда не поглядишь, все романы, даже завидно! Вы смеетесь? Если б вы меня могли видеть....

Соня не пишет вам, но кланяется, желает здоровья и находит ваше последнее письмо таин-

ственным и не совсем понятным. Она не то не в духе, не то очень в духе, не разберешь. Я сама, впрочем, и себя не разбираю, заглянешь в свою душу «все там ничтожно!» Не думайте, что эта фраза, меня порой мучает мысль (конечно мучает), что я очень мелкая и пустая натура; в один порыв истрачивая все силы, я уже более не годна на что-либо прочное, серьезное и глубокое. Ни серьезных мыслей, ни глубокого чувства во мне теперь нет — ничтожество и пустота!

// 25 об. Не воображайте, что я хандрю, нет, я в духе, но я себя не понимаю, а если понимаю, то это еще хуже. Seriously, я бы желала глубже, сильнее и думать, и чувствовать. Что занятия в школе? Вы им завидуете; положим, я люблю это дело, но разве оно не надоедает, разве не делаешься иногда небрежной? Разве всегда присуща мысль: я просвещу хоть тридцать человек? А все-таки лучше осчастливить одного. Ну довольно, пора спать: будьте умник, берегите себя, учитесь, не очень увлекайтесь, будьте веселы и здоровы. Мои все вам кланяются. Благодарю вашу мамашу за поздравление и крепко целую. Моя кошка всех восхищает красотой и умом, но характером она в меня, капризна, легкомысленна, непостоянна и своенравна. Христос с вами! Посестрима.

P. S. Г. Тесс мне надоел; он меня ревнует. Это глупость в кубе! Махровая глупость!

№ 23

// л. 26.

17 января 1878 г.

Это письмо, милейший маркиз, вероятно, будет для вас совершенно неожиданным, как и для меня, впрочем, но я что-то немного хандрю и лучшее средство в таких случаях — поболтать с человеком, в расположении которого я не могу сомневаться. Да, маркиз, я опять хандрю, да и кто же не хандрит на свете, разве те, которые не думают. Причины у меня нет, никакое грустное или неприятное происшествие не возмущало мирного течения нашей жизни, ни тяжелые воспоминания всплыли, а так, как пришло, так и пройдет, а теперь буду лечиться и следовательно: Jasons².

В субботу танцевали мы у Поповых, ездила Соня, Екат[ерина] Ив[ановна], я и сама бабушка с нами; мы сами этого чрезвычайно желали, с нашей милейшей бабушкой так свободно и приятно. Собираясь на // 26 об. вечер, на меня напало какое-то странное чувство; мне все казалось, что там будет скучно, что не стоит и ехать, а между

¹ В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа: И радость, и муки, и всё там ничтожно...

М. Ю. Лермонтов, «И скучно и грустно».

² Болтать — с фр.

тем, мне прежде очень хотелось этого вечера. Ну, поехали, и что же? Несмотря на то, что я была на совете в духе, не так оживлена и беззаботно весела, как и всегда на вечере, мне было очень весело, Соне тоже и Екат[ерине] Ив[ановне] не менее нас, а нам всем казалось, что мы будем скучать. Я уже не пятнадцать, а целых двадцать туров вальса сделала; не могу не увлекаться вальсом, в нем есть какое-то упоение, уносишься точно от прозаической жизни и от своих невеселых мыслей. Знаете ли мне кажется, что я очень стара. Я как царевна в сказке, которую колдунья усыпила на несколько тысячелетий, я эти последние годы пролежала в снегу, не жила, не существовала и, если и проснулась теперь (меня никто не разбудил), то уж не поздно ли снова начинать жить? Я не жила еще, жизнь // л. 27 требует своих прав, но не поздно ли? Да и способна ли уснувшая царевна ожить снова как жила прежде? Быть или не быть — вот в чем вопрос, говорит не один Гамлет. Один из моих любимых писателей Вильгельм Гумбольдт¹ говорит: Пока человек жив, он не должен отворачиваться от жизни, он должен ею пользоваться, брать из нее все, что возможно и до последней минуты жить всеми своими нравственными силами. Было время — я не хотела жить, а теперь не поздно ли? Но я боюсь, что это письмо вас взволнует, побратим, пожалуйста, не думайте, что я теперь вследствие разных выше приведенных мыслей «бледна, грустна»², очень ошибается: у меня и дела, и затей по горло: во-первых, мы разыгрываем лотерею в пользу Саганлугского отряда³ и довольно удачно продаем билеты, во-вторых, мы (три девицы) затеваем читать пьесы по ролям и для этого вербуем себе кавалеров; хотим попробовать // л. 27 об. с водевилей, а потом возьмем и

¹ Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767—1835) — немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Сочетая в себе разнонаправленные таланты, осуществил реформу гимназического образования в Пруссии, основал в 1809 г. университет в Берлине, был другом Гёте и Шиллера.

² Один из основоположников лингвистики как науки. Развил учение о языке как непрерывном творческом процессе и о «внутренней форме языка» как выражения индивидуального мирозерцания народа. Во многом определил путь и направление развития немецкой (и шире — европейской) гуманитарной мысли своей эпохи.

³ Сижу одна, грустна, бледна,

⁰ тебе тоскует сердце в эту ночь.

^и лишь луна со мной одна,

^{но} она не может мне помочь (Автор не известен).

³ Отряд сражался на Кавказском фронте во время русско-турецкой войны 1878—1879 гг.

потруднее. У нас все здоровы, школа идет своим порядком; я очень рада, что снова занимаюсь там, хоть малейшую пользу принесешь чтением, а то жизнь проживешь и в итоге — ничего. Физику бросила, не могу ее изучать одна, дойдя до известной границы, я далее не могу идти без руководителя, а его у меня нет. Читаю я по-прежнему, по мнению Екат[ерины] Ив[ановны], очень много, по моему мнению, слишком мало; занятия английским языком и живописью продолжаются. Имея Тургенева, я его все перечитывала и очень увлеклась. Кем же? Базаровым! Прежде я его не понимала, что за честная, сильная цельная натура; единственный у Тургенева мужчина с характером, а я характер очень уважаю в мужчине, да и в женщине. Говорят, у меня его нет, не думаю, чтоб совсем не было, несмотря на сильную впечатлительность и восприимчивость моей природы есть люди, которые на меня вовсе не влияют // л. 28. из тех кавалеров, которых я вам описывала, у Поповых были двое — Шлезингер и Деконский; первого я немного рассердила, но он этого заслужил, ему хотелось показать перед другими, что мне интереснее с ним говорить, что его услуги скорей примут, а я с ним была совершенно одинакова, как и с прочими кавалерами; привилегий никому. Но он все-таки умница. Вчера должна была быть у Мосоловых, но у меня болела голова и я, к сожалению, не поехала; Соня была там, было весело. Да, забыла; я сказала Деконскому, что я писала о своих знакомых маркизу (он немного знает вас, из моих слов) и что вы ему симпатизируете; хитро улыбнулся и ничего не сказал. Пожалуй, он не так умен, как кажется. Сережа Попов остается все собой, т. е. фатом, полотером и глупцом. Если я езжу к ним, то, конечно, не для разговоров с ним, я очень люблю Мосиньку.

// л. 28 об. Ужасно я боюсь заключения мира! Но решительно путаюсь теперь в мнениях о болгарах, о сербах, да и о наших офицерах и главном штабе; мнения газет- разноголосица, разговоры в обществе еще хуже, кто в лес, кто по дрова, ищи тут истину! Люди, вполне заслуживающие доверия, рассказывают нам факты, называют источники и вдруг газеты торжественно и доказательно опровергают все это, или наоборот. Да что, один корреспондент бранит славян насколько возможно, рядом в корреспонденции их перевозят и описывают их горячее к нам расположение, в одной телеграмме они наши союзники, по другой — они нас продают! Кто тут поймет? По убеждениям своим я, конечно, более славянофилька, хотя и умеренная, чем ярая поборница Запада; даже происхождение мое (мой прадед был серб), хотя это и не имеет значения, влечет меня на их

сторону, на сторону угнетенных, но и я порой думаю, что // л. 29. много гадостей прикрывается именем братства и дружбы. Не могу я верить в такую пламенную любовь болгарского народа к нам, да за что нас любить-то? А вот заключим мир, славный, почетный мир в Константинополе, освободим братушек, тогда другое дело, они нас оценят. Однако я устала, пора спать. Покойной ночи, побратим.

18¹ января. Живу скоро, ошиблась числом. Я бы двадцать лет жизни дала, чтобы мне было теперь восемнадцать лет. Но, увы, нет дорог к возвратному... Сегодня, перечитывая сейчас мое письмо, я чуть не разорвала, так оно мне кажется глупым, но по совету Сони, да и по внушению собственного сердца, я его посылаю: дружба так дружба, может быть я слишком откровенна с вами, но я вам верю, а ведь так хорошо кому-нибудь верить. Но довольно обо мне, потолкуем о вас, мой друг; меня немного беспокоят недомолвки в прошлом письме.

// 29 об. Мне было бы очень жаль, если хорошие ваши отношения к некоторым вашим знакомым грустно бы кончились. Дружба с женщиною вообще вещь опасная и редкая; не будем брать в пример наши отношения; но вообще в молодости лет нередко дружбою прикрывается другое чувство или дружба переходит в него; а любить — страдать, не начинайте этого рано, еще успеете вовремя, только тоже берегитесь, не опоздайте. Если же вы в себе уверены, будьте еще осторожнее, ведь тяжело заставлять страдать другого, а в особенности женщину. Впрочем, я все это пишу по догадкам, не зная ничего верного, я догадываюсь. Соня вам кланяется, она велит вам сказать, что надеется, что ваш ответ на мои слова о старости, о позднем времени будет сходен с ее словами. Будьте искренни, любите по-прежнему вашу посестриму и не пишите ей ранее 1-го февраля.

// л. 30. Что делать, мне самой неприятно, но надо покориться. Противное слово, я его терпеть не могу, недаром же я взяла теперь себе девизом: *Malgre tout!*² Но не уверена, хватит ли у меня силы его поддержать. Энергии на борьбу у меня хватит, да выдержит ли сердце борьбу против людей мне дорогих, если когда-либо долг или судьба заставит меня против них бороться. Дай Бог, чтобы этого никогда не было. Я может быть напишу вам еще письмо в этом месяце, впрочем, не обещаю; пожалуйста, прячьте мои письма подальше, если кто их увидит, что обо мне подумает?

Завтра еду в Москву, буду делать визиты (прескучные), поеду обедать к Масловым, потом в

¹ Цифра 9 исправлена на 8.

² Несмотря ни на что! — с фр.

оперу, останусь ночевать в Москве, на другой день в школу рисования — дела и удовольствий много, // л. 30 об. ну и прекрасно. Перечитывая ваши стихи, я остановилась на этом «На свете черной клеветы», вот прелесть! И стихи, и она, такую быть мой идеал, но если б вы знали, как я далека от него, как мало во мне и характеру, и глубины, и серьезного мышления, все суета!...

Прошу вас не волноваться по поводу этого письма, а то я не стану писать вам так откровенно, хандра пройдет, и ваша старушка снова делается веселой и рассудительной.

А сколько лет Базарову, как вы думаете? Мой поклон вашей мамаше, благодарю ее за поздравления: ваш двоюродный брат³ был у нас на праздниках, я ему все вас хвалила и, обмолвившись, назвала вас Сережей; он сделал большие глаза. Христос с вами, берегите себя и будьте здоровы; как бы я желала вас видеть! Не беспокойтесь, я справлюсь со своей хандрой. Маркиза.

А знаете ли, что бы меня вылечило от хандры: сильная любовь, но это невозможно⁴.

№ 24

// л. 31.

2 февраля 1878.

Теперь, Маркиз, я настоящая Маркиза, с пудрой и с мушками, и на высоких каблуках; я пишу вам, а моя пудренная голова еще полна впечатлениями вчерашнего вечера. Вот что: у не моих знакомых Павловых, был вчера костюмированный вечер, и мы с Соней поехали обе Маркизами; у меня и юбка, и башмачки были голубые, у нее розовые. Наши костюмы были удачны и характерны и, к чему лукавить, были обеим к лицу, мы обе это сознавали и нам было весело. Всякой женщине весело, когда она чувствует себя хорошенькой, когда другим приятно на нее смотреть. Я танцевала без усталости; несмотря на то, что мы с Соней не всех кавалеров знали, не только кадрили, ни одна полька или вальс не были пропущены нами. Вообще вчера было весело, чего же еще слава Богу.

// л. 31 об. Теперь я немного излила вам свои вчерашние впечатления и стану отвечать на ваше письмо. Знаете ли, оно меня огорчило. Отчасти я уже была грустная и не в духе эти дни (не без причины), а ваше письмо, хотя и принесло мне некоторое утешение, но и огорчило меня. Желая вам одного: не разочаровываться или уж не быть очарованным. Когда-нибудь скажу более. Но в вашем письме есть одна фраза, которую я до сих пор не могу хладнокровно вспоминать, порою

³ Попов Николай Николаевич (1857—1905).

⁴ Текст, выделенный курсивом, написан на полях страницы.

мне даже кажется, что вы написали ее нарочно, чтобы рассердить меня, что вы никогда ничего подобного не думали и не можете думать: фраза это относится к Евг[ени] Льв[овне] и ее чувствам: «курам на смех!» пишете вы, вы, который так тонко чувствует, так глубоко понимает (не по летам) человеческие чувства, так деликатно всегда // л. 32 с рыцарскою утонченностью относится к женщинам. Бедная! Чем она заслужила ваш отзыв? Тем, что сумела распознать в 17-летнем мальчишке взрослого человека, что оценила его ум и честное сердце и может быть по своей, вероятно, впечатлительной и страстной природе увлеклась им? Если она вам не нравится настолько, какое вы имеете право, как вы решаетесь над ней смеяться! Если ее чувство не более как каприз, увлечение, то кто же, как не вы (конечно без вашего желания) этому причиной, и вы, вы Маркиз, о как это не идет к вашему прозвищу, решаетесь смеяться над женщиной, которой вы нравитесь, за то, что у нее недурной вкус? Вы пишете об этом другой женщине, но как вы не подумали, что вся ее женская гордость возмутится и что она сею же минуту нападет на вас, защищая // л. 32 об. не одну только, а всех женщин. К несчастью, так часто приходится слышать от мужчин насмешливые отзывы о женщинах, которые любят или хоть только увлекаются; неужели и вы не исключение?... И, наконец, что значит года? Не вы ли мне это говорили: Базаров был на три года моложе Одинцовой, положим они оба уже были совершенно взрослые, но ведь и все по годам, хотя и юные, но по смыслу и разуму уже взрослый человек. Разве вы считаете смешным и странным для женщины любить человека моложе себя, правда, в большинстве случаев над этим смеются, но это еще не доказывает, что такое чувство заслуживает насмешки. Как же вы могли предполагать, что мне кто-то нравится, все те, которых я вам описывала моложе меня? // л. 33 Она вам не особенно нравится, тем хуже для нее, неужели так трудно быть великодушным?

Мне чрезвычайно жаль вашего отца и вас, и вашу мамашу; как вам не стыдно выходить, имея катар легких¹, вы, конечно, знаете, насколько это опасно в ваши годы; не прибавляйте мне огорчений, беспокойство о вашем здоровье, право, лишняя для меня забота, я и так не справлюсь со всем, что переживаю и все струны моей души звучат нередко таким диссонансом, что до торжественного аккорда кажется и не дожидаться.

Но я смеюсь, ведь я Маркиза; да и если б у меня не было смеху, то право остались бы одни

¹ Катаральное воспаление поражает слизистые оболочки.

слезы; самое худшее — разлад с собою, а все остальное, хоть и грустное порой, ничего перед этим. *Que sais-je?*² Вот для меня теперь вопрос.

// л. 33 об. Не уверена, есть ли у Беркута энергия, я знаю, что она есть у его сестры, но в нем не уверена ее найти; в женщинах она чаще встречается, но вообще он симпатичен. Вы правы относительно Гвоздоновича отчасти; он не элегантен, он *gentleman*³, но все-таки я люблю с ним разговаривать, тем более, что он самый умный, блестящий в Московском обществе и, смеясь над всеми другими, конечно, очень тонко и умно, по видимому, находит удовольствие в разговоре со мной. Самолюбие! Да это великий двигатель, я в этом отношении избалована в обществе, и это мне вредит, поменьше самолюбия необходимо мне. В воскресенье Серг. Попов должен был привести к нам своего двоюродного брата *Деконского*, но у него умер отец, и он не мог приехать; ну и не надо, будут другие⁴.

// л. 34. Что вы за вздор пишете об эгоизме? Что вы за исключительный эгоист? Все люди эгоисты, вот моя теория, одни хорошие, другие дурные, это Христос знал, когда говорил: «Люби ближнего, как самого себя⁵». Ответ вам о старости сходен с Сониным, только она еще находит, что я молода и годами, и душою, как иные не бывают в восемнадцать лет. Ваше предпоследнее письмо, конечно, было совершенно противоположно последнему; в нем слышалась и надежда, и радость, оно было написано добрым духом и, несмотря на недомолвки, сказало мне более, чем последнее. Желаю от души, чтобы в следующем вы меня известили о выздоровлении вашего отца, о вашем собственном здоровье и еще о многом, многом. Стихи прелестны, в особенности памяти Некрасова: маленькое первое легче по содержанию, но // л. 34 об. тоже чрезвычайно мило; оно написано совершенно в Гейновском роде, и я могу вам только сказать: пишете, пишете. На счет нашей переписки, я хочу потолковать с вами откровенно; неужели же вы думаете, что я по собственной воле не позволяю вам мне писать часто? За что я буду лишать себя удовольствия часто получать ваши письма? Как не либеральна, не прогрессивна моя бабушка, она не может отрешиться от мысли, что я молодая девушка, вы молодой человек и переписка между нами есть явление, по крайней мере, исключительное; она ничего не говорит,

² Что ты знаешь? — с фр.

³ Джентльмен — с англ.

⁴ На этой странице сделана карандашная помета: «См. письмо 26. II. 1878».

⁵ Кавычки не закрыты.

но, конечно, наложила бы свое veto¹, если б вы вздумали писать мне очень часто; теперь же наша переписка ведется столь благоразумно и разумно, что никто против нее не может ничего сказать. Итак, осторожность, осторожность!

// л. 35. Не вздумайте, пожалуйста, писать Соне прямо; то, что она вам иногда приписывает великий секрет, который, я надеюсь, вы сохраните, не то вы ее подвергните ужасным историям и неприятностям. Вы себе и представить не можете, как ее воспитали и какие бывают понятия.

Слава Богу, наши в Константинополе, война кончена, можно надеяться на почетный мир, но чего же я теперь менее радуюсь этому, чем обрадовалась бы прежде; не могу же я охладеть к ро-

дине. Нет, виною мое настроение. Но как мне не хочется еще поболтать с вами, а усталость берет свое, я ведь легла в пять часов, а тут еще противная пудра, которую никак не вычешешь из волос.

// л. 35 об. Сегодня никого не описываю, в следующий раз займусь г. Тесс, который играет довольно видную роль в нашем кружке и невыносимо постоянен. В моем сердце его место не велико, но он, я думаю, не прочь занять и побольше.

Ну, до свиданья; Сони нет, она сегодня на спектакле, завтра мы в концерт, видите, кутим. Берегите себя для ваших друзей, поцелуйте мамашу, желаю вашему отцу скорее поправиться. Пожалуйста, не простужайтесь. Маркиза.

P. S. Знаете ли, что это прозвище мне очень лестно, и я вчера старалась войти в роль и, кажется, удачно.

¹ Запрещаю — с лат.

Список литературы

1. Митрофанов, В. В. О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент.) / В. В. Митрофанов // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. — 2019. — № 2. — С. 135—139.
2. Митрофанов, В. В. Письма В. Н. Беркута С. Ф. Платонову: студенты и профессора Московского университета на рубеже 1870-х — 1880-х гг. / В. В. Митрофанов // *Вестник МГУ. Серия 8. История*. — 2019. — № 5. — С. 17—43.
3. Митрофанов, В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову / В. В. Митрофанов // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. : сб. ст. и материалов. Вып. 5 / под. ред. А. М. Дубровского*. — Брянск : ИС, 2019. С. 151—218.
4. Митрофанов, В. В. Маркиз и маркиза: письма Е. Н. Калайдович гимназисту С. Ф. Платонову (вступ. ст. публик., коммент.) / В. В. Митрофанов // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. — 2020. — № 1. — С. 116—132.
5. Платонов, С. Ф. Автобиография // С. Ф. Платонов. *Собрание сочинений* : в 6 т. Т. 5. — Москва : Наука, 2017. — С. 187—213.
6. Чусова, М. Бекетовы и Селивановские в Симоновой слободе / М. Чусова // *Московский журнал*. — 2000. — № 11. — С. 41—51.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия. *viktor-n1962@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 2. P. 154—171.

“Lacking faith in her future, she inbreathed faith in my future into me”: letters to E.N. Kalaydovich by S.F. Platonov

V.V. Mitrofanov

*University attached to the Inter-Parliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community,
St. Petersburg, Russia. viktor-n1962@mail.ru*

A new archival source, i.e. the diary of S.F. Platonov, reveals the details of his journey to the village of Kharino as well as his fateful acquaintance with Yevgenia Nikolaevna Kalaydovich. Long hours of frank conversations fostered close friendship between them. The published letters continue two previous publications of the recently

revealed huge epistolary layer by E.N. Kalaydovich. This wonderful source allows us to understand the searches of not only the addressee, but also the author of the letters — an extraordinary and little-known personality. She is a definite example of a young, educated, socially active woman of the second half of the 19th century.

The sources first mentioned V.N. Berkut who became a close friend and main informant of S.F. Platonov about Moscow University, which was of great importance for the future student.

Keywords: S.F. Platonov, E.N. Kalaydovich, epistolary source, diary, correspondence, worldview interests.

References

1. Mitrofanov V.V. *O moskovskikh znakomstvakh S.F. Platonova v gimnazicheskie gody: pobratim i posestrima* [About Moscow dating of S.F. Platonov in the gymnasium years: brother and sister]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology], 2019, no. 2, pp. 119—139. (In Russ.).
2. Mitrofanov V.V. *Pisma V.N. Berkuta S.F. Platonovu: studenty i professora Moskovskogo universiteta na rubezhe 1870-kh — 1880-kh gg.* [Letters by V.N. Berkut to S.F. Platonov: students and professors of Moscow University at the turn of the 1870s — 1880s]. *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya* [Moscow State University Bulletin. Episode 8. History], 2019, no. 5, pp. 17—43. (In Russ.).
3. Mitrofanov V.V. *Istoriko-filologicheskiy fakultet posle S.M. Solovyeva: professorsko-prepodavatel'skiy sostav i iskaniya peredovoy molodezhi v pismakh studenta V.N. Berkuta S.F. Platonovu* [Faculty of History and Philology after S.M. Soloviev : the staff and searches of the young in the letters by the student V.N. Berkut to S.F. Platonov]. *Otechestvennaya kultura i istoricheskaya mysl XVIII—XX vv.: sbornik statey i materialov* [Domestic culture and historical thought of the XVIII — XX centuries: collection of articles and materials]. Vol. 5. Bryansk, IS, 2019. Pp. 151—218. (In Russ.).
4. Mitrofanov V.V. *Markiz i markiza: pisma E. N. Kalaydovich gimnazistu S. F. Platonovu (vstup. st. publik. komment.)* [Marquis and Marquise: letters of E.N. Kalaidovich to grammar-school boy S.F. Platonov] *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology], 2020, no. 1, pp. 116—132. (In Russ.).
5. Platonov S.F. *Avtobiografiya* [Autobiography]. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5* [Collected works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Nauka, 2017. Pp. 187—213. (In Russ.).
6. Chusova M. *Beketovy i Selivanovskiye v Simonovoy slobode* [The Beketovs and the Selivanovskys in Simonova Sloboda]. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow magazine], 2000, no. 11, pp. 41—51. (In Russ.).